

В. Е. Касимова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

РИТОРИКА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РАССКАЗА О СВАДЬБАХ¹

Аннотация: В статье рассматривается своеобразие подачи рассказа о свадьбах старших родственников в автобиографическом контексте информанта-студента. Описаны опорные элементы сюжетов: сватовство, выкуп, описание наряда (платья) и пр., выявлены основные риторические фигуры.

Ключевые слова: свадебный обряд, выкуп, сватовство, свадебное платье, автобиографический рассказ, риторика.

Традиционный свадебный обряд сегодня изучен исследователями довольно хорошо, о современных традициях русской свадьбы пишут, например, М. Г. Матлин, Д. В. Громов. Обратимся к риторическим особенностям автобиографического рассказа о свадьбах. Исследование такого рода находится на пересечении интереса к собственно свадебному обряду и его бытованию в современной культуре и тому месту, которое занимает память о свадьбе старших родственников в автобиографии человека младшего поколения и в семейной истории. Материалом исследования являются тексты о свадьбе родителей и / или дедушек и бабушек, полученные в ходе целенаправленного сбора материала о свадебном обряде у студентов 1 курса филологического факультета (2018 – год поступления). Таким образом, основной рассказчик об обряде в таких текстах (старший родственник) включен в автобиографический семейный контекст записывающего текст студента, который обычно оставляет в тексте свои комментарии по поводу рассказа.

Собранный нами материал представляет собой записи текстов о свадьбах, произошедших в 1950–1970-х годах. География текстов довольно широка:

---

1 Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Борисовны Граматчиковой.

семьи бабушек и дедушек нынешних студентов-уральцев образовывались на Урале, в Перми, в Беларуси, Украине. Обряды поздне-советского времени обладают сильной унификацией, но наблюдаются и этнографические отличия, что фиксируется в тексте рассказчиками, например, такими фразами: «как принято на Украине» (А. С. Митки. 1976). Далее место свадьбы будет указано лишь в случаях, когда это необходимо для целей исследования.

Структура свадебного обряда в текстах представлена очень скупо. Фактически остается лишь несколько опорных моментов, таких как сватовство, выкуп, свадебное застолье. Кроме того, для «советского» свадебного обряда в принципе характерна эклектичность. Мы видим органичное сочетание таких традиционных элементов, как сватовство, выкуп, с приметами чисто советского времени – возложение цветов к памятнику Ленина и пр. Светлана Адоньева (лекция «Советская свадьба: проект, миф и современный извод») подробно рассказывает о том, что проект советской свадьбы был внедрен в общество, если не насильно, то посредством медленных манипуляций с сознанием народа. После того как в большей степени традиционный обряд был разрушен (хотя мы видим, что элементы традиционной свадьбы сохраняются), была осознана необходимость вновь «дать» людям обряд как некий конструкт, соединяющий элементы религиозной, традиционной и советской обрядности [Адоньева, URL].

Сейчас нам бы хотелось обратиться к узловым моментам сюжета рассказов. В рассказах о свадьбах есть моменты, которые всегда проговариваются рассказчиками, а значит, они являются важными, так как спустя годы сохраняются в памяти людей.

Первый такой момент – обрядовые элементы – *сватовство или предложение, выкуп, хлеб-соль и т.д.*, те, что определяют специфику свадьбы как обряда. Начнем со *сватовства*.

Сватовство является традиционным элементом народной свадьбы, поэтому не удивительно, что оно так часто встречается в текстах (стоит заметить, что многие информанты из сельской местности, а в сельской местности, как правило, традиции сохраняются дольше, чем в городе): «Через небольшой промежуток дедушка приехал из поселка Атиг свататься» (М. 1964). В некоторых текстах, есть *предложение руки и сердца*, а не сватовство, что характерно больше для городской культуры, само выражение восходит

к книжному языку, а не к метафорике традиционной культуры: «Отслужив, он первым делом поехал за бабушкой, сделал ей предложение руки и сердца» (К. 1972). Иногда в текстах появляется история знакомства, казалось бы, не относящаяся к свадьбе напрямую, но косвенно, безусловно, имеющая значение: «Если рассказывать об истории свадьбы моих родственников, то хочется начать с их знакомства» (Г. 1969). Примечательно, что люди, рассказывая о свадьбе, *начинают* свою историю с ее начала, которым считают знакомство основных персонажей.

Элементы свадебной обрядности настолько значимы даже во второй половине XX века, что они восстанавливаются в действиях молодых и в рассказах, казалось бы, вопреки всякой логике. Так, часто молодые сначала решают пожениться, а потом отправляют сватов в дом невесты или просят разрешения на брак. Несмотря на то, что это противоречие кажется очевидным, такой логический слом никак не комментируется и никакой рефлексии у записывающего мы не видим: «Затем, приняв столь серьезное решение, решают пожениться. Жених отправляет сватов в дом невесты» (Б. 1971) «Общались, гуляли и, спустя полгода, дедушка сделал предложение. Он вместе со своей мамой приехал в дом к бабушке и просил у ее родителей разрешения жениться в 1976 году» (1976).

Выкуп, как и сватовство, является традиционным элементом, который очень любим современной свадебной обрядностью, где он превратился в элемент развлечения молодежи, соединяющий предсказуемые элементы «испытания» жениха – иногда восходящие к архаическим практикам, зафиксированным в сказках и др. (узнать невесту, назвать ее ласковыми именами и т. д.) – и открытый всякой творческой инициативе. В наших текстах выкуп присутствует практически всегда: «Там дедушку ждал выкуп невесты» (А. 1976); «Настало время выкупа» (М. 1964). Устойчивость этого элемента и сохранение его в памяти участников торжества связано с тем, что выкуп, носящий ранее товарно-денежный характер, перерос в развлекательный, шуточный элемент праздника, предполагающий высокую активность участников. Это подтверждается тем, что люди так и говорят: «...Началась шуточная торговля» (В. 1967).

Факультативно фиксируются в текстах следующие элементы свадебной обрядности: *хлеб-соль, разбрасывание и собирание монеток, битье посуды.*

Все эти элементы традиционной свадьбы рассыпаны по текстам, но важно то, что они появляются или скорее проявляются в советской свадьбе: «пешком шел к дому невесты, с хлебом-солью, выложенными на богатом рушнике» (А. 1976); «гости на пол раскидали газеты, листья, а также деньги. Бабушка должна была выметать мусор и одновременно складывать деньги в карман фартука» (В. 1974); «В семье Сергея была интересная традиция: его мама (баба Ляля) <...> на свадьбу вынесла <...> стопку тарелок и, говорят – бить на счастье надо, <...> взяла эту стопку и так “бух” об пол, все вдребезги разлетелось, мне пришлось собирать, конечно, на счастье вам, говорит» (Ш. 1958). Интересно, что традиция битья посуды сохранилась – в словаре «Славянские древности» сказано, что битье посуды осмыслялось как «пожелание счастья новобрачным, ассоциировалось с дефлорацией или родами» [Славянские древности, с. 180], сейчас произошла ресемантизация обряда, так как элементы, говорящие о переходе девушки из одного половозрелого статуса в другой, исчезли.

После обрядовых моментов хотелось бы сказать о *месте свадьбы* – практически нет текстов, где место свадьбы было бы «забыто». Важно, что, именно говоря о месте свадьбы, рассказчик часто использует оценочную лексику или оценочные фраземы: «Бабушка Рита рассказывала, что торжество у них проходило в собственной квартире (как в старые добрые времена)» (А.1955); «Торжественная регистрация проходила в старом ДК Уралмаш» (С. 1970). В связи с этим хочется обратить внимание на детали. Многие тексты рассказаны уже немолодыми людьми, и записывающий отмечает, что многие детали хорошо сохранились в памяти интервьюируемых: «Сейчас я расскажу о свадьбе моих родных, узнала о которой я со слов бабушки, которая, на удивление, спустя столько лет все не выпускает из памяти детали того дня» (Ш. 1958). Запомнившиеся детали носят разный характер – от погодных условий: «Свадьба проходила 6 марта, на улице в тот день было -30» (С. 1970), до описания блюд на столе: «Завершением был небольшой вечер для родных, где главным угощением были блины и вино» (1961). На наш взгляд, это связано с тем, что в памяти остаются моменты, которые обычно не характерны для ситуации (-30 в марте и пр.).

Описание наряда. Большинство студентов, равно как и их информантки, – женщины, поэтому возможно, что фиксация наряда – это гендерная

особенность / черта этих автобиографических рассказов. Наряду отводится важная часть в повествовании, он описывается со всеми деталями, даются обширные комментарии: «Свадебное платье Нине шила ее подруга-портниха <...> белое простое платье из ткани, напоминающей шелк, с длинным рукавом, не пышное, элегантно, в пол. На праздник оно было украшено живыми цветами» (Ш. 1958); «Платье для невесты шили на заказ в ателье. Оно было короткое, приталенное, с розовым ситцем внизу и белым капроном сверху, по моде того времени. Дедушка был в коричневом костюме своего отца, который ему привезли мать и сестра» (1965). Свадебный наряд имеет большое значение для современной обрядности – и сам язык являет нам эту значимость: «Свадебное платье». Свадебное платье стало неким «жанром» платья. Отметим, что в тексте 1955 года рассказчица говорит о том, что платье: «(новое, конечно, – не новое, но чистое)» (Л. 1955). Такая ситуация характерна для свадеб того времени (в другом тексте, тоже 1955 года, описание нарядов отсутствует вообще), и дело, скорее всего, не только в том, что время бедное, послевоенное, но еще и в том, что традиция, мода на белое свадебное платье еще не началась. Вопрос о белом цвете свадебного платья все еще остается дискуссионным, никто из исследователей не дает прямого ответа, откуда появилась эта традиция. Известно, что крестьянский свадебный наряд мог быть любого яркого цвета, вплоть до темного. Есть версия, что мода на белое платье пошла из Англии со времен королевы Виктории, но это всего лишь предположение. По примерам видно, что несмотря на дефицит – на это указывает то, что люди шили платье сами или, например, им шила подруга и пр. – людям важно выделить свадебный наряд, событие диктует парадность костюма. Интересно, что платье может храниться дома, может потом перешиваться или использоваться в качестве повседневной одежды, но сам факт *другого, специального* наряда будет играть важную роль.

Говоря о риторике рассказов о свадьбе, невозможно не сказать об отношении рассказчиков и интервьюеров к событиям повествования. Для рассказчика – это предыдущее поколение его семьи, с возрастом участников он уже вполне может себя соотнести. Часто мы видим прямую оценку происходящему. Негативная – единична, но от того не менее яркая: «Вот – вся свадьба, вот – весь праздник, который я не могла долгие годы простить своему отцу, ибо могла учиться и знание получить» (Л. 1955); Позитивная:

«Празднование свадьбы длилось целых 4 дня, дедушка Андрей стоптал все тапки, вот так задорно он плясал!» (А. 1955). Вообще описание свадьбы, как в тексте 1955 года (Л. 1955) – можно назвать неким конфликтом патриархального быта и советской идеологии. С одной стороны, молодая девушка, рожденная в советское время, желающая учиться, работать, дитя своего времени; с другой – патриархальный отец, который «пропивает» дочь. Такой конфликт в 1955 году – большая редкость в воспоминаниях и ценность для исследователя.

Запись текстов иногда включает обозначаемые записывающим «*признаки достоверности*»: «Рассказывая эту историю, бабушка очень много смеялась и смущалась, а значит, история подлинная» (А. 1976). На наш взгляд, такие признаки несут аксиологическую функцию, потому что интервьюер дает уже свою оценку действия, и в его оценках косвенно проявляется позиция одобрения, восхищения, уважения: «Уже в декабре этого года мои бабушка и дедушка будут праздновать “серебряную” свадьбу» (1993); «Я надеюсь, что у меня будет тоже такая свадьба, о которой я буду помнить всю свою жизнь, до самой старости» (Б. 1971). Эту оценку, присутствующую во множестве текстов, можно обозначить как риторическую позицию «удостоверения верного выбора», позволяющего включить «удачную», «правильную» семью предков в конструирование собственной семейной истории и автобиографии в широком смысле. Свадьба в текстах, пусть в самом редуцированном виде, становится прологом «счастливой долгой совместной жизни», а продолжительность совместной жизни по умолчанию трактуется как благополучие и счастье.

Играя свадьбу, люди часто полагают, что это один раз и на всю жизнь, но это установка не спасает семью от распадов (по данным Росстата, в 2016 году распалось более 60% союзов [Семейное право, URL]).

Оценивая традиции семьи с явно положительной точки зрения и связывая свадьбу со счастливой семейной жизнью (свадьба как залог семейного счастья), студент транслирует традиционные «правильные» взгляды, хотя опросы молодежи показывают, что личные приоритеты большинства, скорее всего, включают современную свадьбу, в которой играет большую роль план выражения, а не план содержания – одежда, украшение, цвет свадьбы и прочее.

Подводя итоги, можно сказать, что основными элементами сюжета становятся: сватовство (предложение руки и сердца), выкуп, место проведения свадьбы, описание наряда, аксиологический итог истории. В текстах отмечаются позиции, где мы видим концентрированную оценочность и «знаки достоверности» передаваемой информации. Рассказ о свадьбе транслируется и воспринимается как истории благополучия, «начало счастья», после которого «жили они долго и счастливо».

Список литературы

Адоньева С. Русская свадьба: социальный проект и новые ценности (Лекция Светланы Адоньевой в рамках совместного проекта «Прагмемы» и БДТ им. Товстоногова. Санкт-Петербург, БДТ им. Товстоногова, 29 марта 2015 год) [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/K7MLv-jWmiY> (дата обращения: 20.03.2017).

Громов Д. В. Свадебные достопримечательности: ландшафт и современные молодежные обряды перехода // Очерки русской народной культуры. – М.: Наука, 2009. – С. 502–526.

Матлин М. Г. Замки счастья на мосту влюбленных: об одной новации в современной городской свадьбе // Славянская традиционная культура и современный мир. – 2010. – № 13. – С. 194–217.

Статистика браков и разводов [Электронный ресурс] // Семейное право. – URL: <http://semeinoe-pravo.net/statistika-brakov-i-razvodov-v-rossii/> (дата обращения: 20.03.2017).

Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Международные отношения, 1995–2012.